

РЕЦЕНЗИИ

DOI: 10.25178/nit.2026.2.20

Рецензия

**Мультивидовые отношения в кочевом обществе:
теоретические и методологические подходы****Иван Ю. Макаrchук**

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация,

Елена П. Мамышева

Сибирский федеральный университет; Тувинский государственный университет, Российская Федерация

В статье представлен анализ содержания монографии антрополога Виктории Пээмот «The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains», которая вышла в 2024 г. в издательстве Berghahn Books. В монографии исследуется как в жизни тюркоязычного населения Саяно-Алтайского региона (тувинцев) выстраивается отношение к родным ландшафтам и лошадям, которые воспринимаются людьми как часть расширенного круга родства. Автор описывает процессы реализации соответствующих связей в повседневных практиках, ритуалах и опыте совместной жизни.

Авторы рецензии уделяют особое внимание описанным В. Пээмот феноменам мультивидового родства, агентности животных и социальной одушевленности ландшафта. Эти векторы были выбраны рецензентами по той причине, что они представляют значительный научный интерес, поскольку в рамках современной отечественной этнографии пока остаются слабо разработанными и методологически недостаточно освоенными. Авторы акцентируют внимание на рассуждениях В. Пээмот о том, что концепция мультивидового родства предполагает отход от традиционно хозяйственных и символистских трактовок животного, раскрывая устойчивое совместное бытие человека и лошади — субъектов родственных отношений.

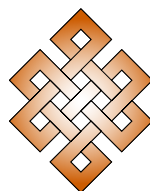
По мнению рецензентов, автор монографии справедливо придает важное значение категории «чер төрел» как локальной формы анимистической онтологии, в которой горы, реки и пастбища воспринимаются в качестве одушевленных родственников, участвующих в судьбе рода. Отмечается, что внимание к этой категории расширяет аналитическое поле отечественной этнографии, позволяя включать ландшафт в систему социальных отношений. Особым достоинством монографии отмечается обращение автора к концепции «аалдаар», рассматриваемой как этическая основа полевых исследований. Обсуждаются преимущества такого подхода, связанные с глубиной включенности, однако, при этом подчеркиваются гносеологические риски, возникающие из-за возможной субъективизации материала.

Ключевые слова: мультивидовое родство; Тува; лошадь; агентность животных; социальный ландшафт; ответственное гостевание; рецензия

Для цитирования:Макарчук И. Ю., Мамышева Е. П. Мультивидовые отношения в кочевом обществе: теоретические и методологические подходы // Новые исследования Тувы. 2026. № 2. С. 320-331. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.20>

Макарчук Иван Юрьевич — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии Сибирского федерального университета. Адрес: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79. Эл. адрес: imakarchuk@sfu-kras.ru

Мамышева Елена Петровна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций Сибирского федерального университета; профессор кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Тувинского государственного университета. Адреса: 660041, Россия, г. Красноярск, пр. Свободный, д. 79; 667000, г. Кызыл, ул. Ленина, д. 36. Эл. адрес: sozog@mail.ru

REVIEWS

Review

**Multispecies Relations in Nomadic Society:
Theoretical and Methodological Approaches****Ivan Yu. Makarchuk**

Siberian Federal University, Russian Federation,

Elena P. Mamysheva

Siberian Federal University; Tuvan State University, Russian Federation

The article presents an analysis of the monograph by anthropologist V. Peemot, *The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Sayan Mountains*, published in 2024 by Berghahn Books. The monograph examines how Turkic-speaking populations of the Sayan-Altai region construct their relationships with native landscapes and horses, which are perceived as part of an extended circle of kinship. The author describes how these relationships are enacted in everyday practices, rituals, and lived experiences of coexistence.

The reviewers pay particular attention to the phenomena described by V. Peemot, including multispecies kinship, animal agency, and the social animacy of the landscape. These vectors are selected due to their significant scholarly relevance, as they remain insufficiently developed and methodologically underexplored within contemporary Russian ethnography. The authors emphasize Peemot's argument that the concept of multispecies kinship implies a departure from traditional economic and symbolic interpretations of animals, instead revealing a stable co-existence of humans and horses as subjects within kin relations.

According to the reviewers, the author rightly assigns considerable importance to the category of "cher törel" as a local form of animistic ontology, in which mountains, rivers, and pastures are perceived as animate relatives participating in the fate of the kin group. It is noted that attention to this category expands the analytical framework of Russian ethnography by enabling the inclusion of landscape within systems of social relations. A particular strength of the monograph is identified in the author's engagement with the concept of "aaldaar", interpreted as an ethical foundation for field research. The advantages of this approach, especially its depth of immersion, are discussed, while also highlighting epistemological risks associated with the potential subjectivization of research material.

Keywords: multispecies kinship; Tuva; horse; animal agency; social landscape; responsible guesting; review

For citation:

Makarchuk I. Yu. and Mamysheva E. P. Multispecies Relations in Nomadic Society: Theoretical and Methodological Approaches. *New Research of Tuva*, 2026, no. 2, pp. 320-331. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2026.2.20>

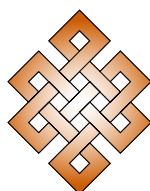

MAKARCHUK, Ivan Yurievich, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Professor at the Department of Philosophy, Siberian Federal University. Postal address: 79 Svobodny Pr., 660041, Krasnoyarsk, Russia. E-mail: imakarchuk@sfu-kras.ru

ORCID: 0000-0003-2632-2772

MAMYSHEVA, Elena Petrovna, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Russian History, World and Regional Civilizations, Siberian Federal University; Professor at the Department of Theoretical, Public and Law Disciplines, Tuvan State University. Postal addresses: 79 Svobodny Pr., 660041, Krasnoyarsk, Russia; 36 Lenina St., 667000, Kyzyl, Russia. E-mail: sozor@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1620-5679

Введение

В 2024 г. в академическом издательстве Berghahn Books (США) вышла монография антрополога Виктории Соян Пээмот (Victoria Soyan Peemot) «Лошадь в моей крови. Многовидовое родство в горах Алтая и Саян» («The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains») (фото 1) (Peemot, 2024). Монография является четвертым томом антропологической серии «Межвидовые взаимодействия» (Interspecies Encounters), выпускаемой указанным издательством с 2017 г.

Автор — Виктория Пээмот — по своему происхождению уроженка села Ак-Эрик Тес-Хемского района Республики Тыва, принадлежит к сообществу тувинцев-скотоводов (аймак Соян). Она обладает знанием соответствующих социокультурных практик и стремится экспонировать их с точки зрения самих носителей с одновременным осмыслением в терминах современной антропологии. О персональной включенности исследовательницы в тувинскую систему родства, опыте мультивидового взаимодействия свидетельствует авторское посвящение, размещенное в начале книги: «В память о моем дедушке, Сояне Кадып-ооле Кунююевиче, и моем верном спутнике детства, коне Челере Шилги».

В. Пээмот получила российское высшее образование в Туве. Ее ранняя карьера была связана с работой журналистом в республиканских изданиях, где она исследовала культуру и жизнь своего народа, много писала о традициях, истории и современности Тувы. Этот опыт стал для нее не только профессиональной школой, но и важной основой будущих научных интересов. Уже состоявшимся специалистом по личным причинам она решила на переезд в Финляндию в 2009 г. Оказавшись в новой стране, В. Пээмот не ограничилась адаптацией к бытовым условиям, а продолжила образование на академическом уровне. В Университете Хельсинки она прошла научную подготовку, занялась исследованиями в области культурной антропологии и этнографии, уделяя особое внимание тувинской культуре. Итогом этой работы стала защита в декабре 2021 г. докторской диссертации «Конь в моей крови: родство на суше в Саянских и Алтайских горах, Внутренняя Азия»¹. Таким образом, ее жизненный путь объединил российскую образовательную и профессиональную базу с европейской академической карьерой.

В настоящее время В. Пээмот является научным сотрудником по коренным народам в Университете Хельсинки, членом Хельсинкского института исследований устойчивого развития (HELSUS), а также приглашенным исследователем Центра исследований Северо-Восточной Азии Университета Тохоку, как об этом сказано на титуле издания.

Рецензируемое исследование посвящено взаимоотношениям человека и лошади среди тюркоязычного населения Саяно-Алтайского региона и выполнено в русле мультивидовой этнографии (*multispecies ethnography*), оформившейся как направление антропологии в 2000-х гг., когда критическая сумма дискуссий о балансе отношений человека с другими животными и скептицизм по поводу человеческой исключительности привели в глобальной антропологии к повороту к видам, или мультивидовому повороту (*species turn*) (Форум: Люди ..., 2024: 12).

Лошадь является существенным элементом материальной и духовной культуры кочевых народов. В тюрко-монгольской традиции лошади наряду с хозяйственным значением отводится значимая сакральная роль как символу

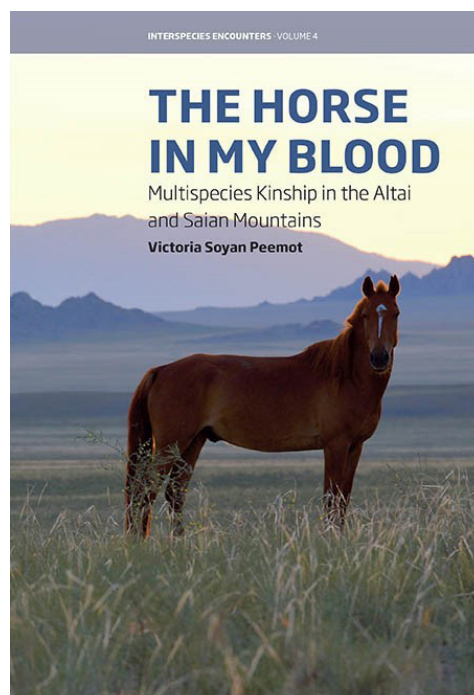
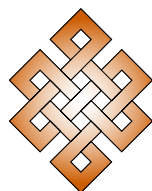

Фото 1. Обложка монографии Виктории Соян Пээмот «Лошадь в моей крови. Многовидовое родство в горах Алтая и Саян» (2024).
Photo 1. The cover of V. S. Peemot's book «The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains» (2024).

¹ Peemot V. The Horse in My Blood : Land-Based Kinship in the Sayan and Altai Mountains, Inner Asia [Электронный ресурс] // Helsingin yliopisto. URL: <http://hdl.handle.net/10138/336082> (дата обращения: 10.12.2025).

социального статуса и духовной силы. В отечественной этнографической и исторической литературе неоднократно подчеркивалось исключительное место лошади в структуре мировоззрения кочевников Евразии (Потапов, 1953: 16, 17; 1969: 252, 283, 291, 373; Вайнштейн, 1972: 27; Этнография народов ... , 1978: 212, 35–36, 53, 58: 149; Алтай. Жемчужина ... , 2010: 149, 151). Более того, в культуре кочевников «присутствует понятие о том, что время может быть управляемо с помощью коня — основного помощника животновода-кочевника. Конь помогал работать, стеречь стада, ездить в гости, на охоту. Он признавался единственным средством сокращения огромных расстояний, его ход выступал мерой, и он сам был способом регулировки времени» (Ламажаа, 2011: 45).

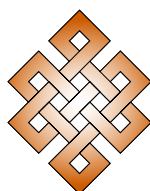
Одной из заглавных тем книги В. Пээмот является концепция «мультивидового родства» (*multi-species kinship*), в рамках которой отношения между человеком и лошадью описываются не через процессы одомашнивания, использования или хозяйственной эксплуатации, а как устойчивое родственное взаимодействие, основанное на совместном происхождении и бытии. Автор убедительно демонстрирует, что у тувинцев и их соседей на Алтае и в Саянах границы между человеком и животным оказываются проницаемыми, соответственно, разделение на «людей» и «нелюдей» не имеет абсолютного характера.

Такой подход во многом опирается на достижения антропологической мысли последних десятилетий. Так, британский социальный антрополог Т. Инголд предложил рассматривать отношения человека и животного как «становление-вместе» (*becoming-with*) (Ingold, 2000), а американский философ и теоретик культуры Д. Харауэй в книге «When Species Meet» («Когда виды встречаются») представила концепцию «партнерских видов», подчеркивая со-эволюцию и совместность человека и животных, поскольку последние не существуют как «готовые» сущности до их отношений друг с другом (Haraway, 2008). Они формируются и конституируются в процессе этого совместного существования. Очевидно, что В. Пээмот продолжает эту линию, интерпретируя практики тувинских коневодов как пример социального и родственного партнерства человека и лошади, так как они развивались совместно, взаимно влияя на эволюцию и формирование друг друга на протяжении тысячелетий.

Для российской науки подобный исследовательский подход представляется относительно новым. Советская и постсоветская этнография хотя и уделяла большое внимание символическим и сакральным аспектам отношения к животным, все же в первую очередь рассматривала их через призму хозяйственного уклада и культурно-экономического типа. Например, Л. П. Потапов в работе «Очерки народного быта тувинцев» писал о лошади как о ключевом элементе хозяйства, транспорта и военной организации, а также как о сакральном символе рода (Потапов, 1969: 82–83, 110–115, 252–258, 356–357). С. И. Вайнштейн в монографии «Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки» подробно описывал ритуальные функции коня, включая жертвоприношения и культовые практики, но также связывал их с социально-экономической структурой (Вайнштейн, 1961: 27, 66–67, 199–200). Другими словами образ лошади раскрывался амбивалентно. С одной стороны, она была неотъемлемой частью повседневной жизни, обеспечивая людей средствами к существованию, передвижением и хозяйственной поддержкой. С другой — лошадь воспринималась как животное, наделенное особым смыслом, связанное с обрядами, верованиями и представлениями о мире.

Например, только что родившийся жеребенок называется *кулунчак*. Это название сохраняется за ним в течение первых 10–15 дней с момента появления на свет. Как только жеребенок научится есть траву и окрепнет, его называют *кулун*. Это название удерживается за ним до одного года. В зависимости от пола жеребенка, к названию *кулун* добавляют *эр* или *кыс*. Если жеребенок еще не кастрирован, его называют *аскыр*, а кастрированного — *аът*. Некастрированный жеребец любого возраста также называется *аскыр*. «Зрелым» конь называется по состоянию зубов, с момента, когда они полностью обмениваются на постоянные. *Кызырак* — общее название (независимо от возраста) для еще не жеребившейся кобылицы; *бе* — появляется в названии жеребившейся кобылы (Даржа, 2014: 65–66).

Также многие мифологические сюжеты описывают лошадь как духовного спутника или покровителя. С. И. Вайнштейн фиксировал, что конь может рассматриваться как «альтер эго» человека, связанный с его жизненной силой (Вайнштейн, 1961: 182). Классик тувинской литературы М. Б. Кенин-Лопсан среди девяти освящений (*тос ыдык*), тесно связанных с судьбой человека, имеющих свой собственный смысл, называл освящение лошади (*аътты ыдыктаары*) с целью исцеления ее владельца, если он заболел во время поездки, а также людей, страдающих одышкой, от воспаления легких, кошмарных снов (см.: Ламажаа, Сувандии, Монгуш, 2023: 224).

В рассматриваемой работе лошадь позиционируется еще и как «родственник», субъект социального взаимодействия. Такой подход созвучен концепции «антропологии больше-чем-человеческого» (*more-than-human anthropology*), которая переосмысливает традиционную фокусировку исключительно на человеке и признает глубинную взаимосвязь человеческой жизни с нечеловеческими сущностями.

Полагаем, что об актуальности и оригинальности работы дополнительно свидетельствует тот факт, что на книгу уже появилась рецензия западного ученого — Н. Расиулуса из Института азиатских и межкультурных исследований Вильнюсского университета (Rasiulis, 2025). В российской науке, насколько нам известно, рецензий еще не было. Но есть интервью с В. Пээмот в Интернет-СМИ, вышедшее под заголовком «Репрессированный конь»: тувинская исследовательница — о лошадях, границах и памяти о советском прошлом¹.

Далее мы последовательно рассмотрим три аналитических вектора монографии — «мультивидовое родство», категорию *чер төрөл* и концепцию «ответственного гостевания» (*аалдаар*), — которые, по нашему мнению, являются наиболее значимыми парадигмальными основаниями для развития современной российской этнографии.

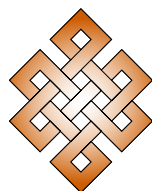
Человек и животное: проблема границ и родства

Уникальность подхода В. Пээмот состоит в том, что она ставит лошадь в центр анализа и утверждает ее агентность. В описаниях свадебных обрядов, скачек или повседневных практиках лошадь оказывается вместе с человеком полноправным участником событий. Например, описывая свадьбу у озера Шара-Нуур, автор подробно анализирует передачу жеребца в качестве свадебного дара, символизирующего включение животного в систему родства, воплощающего преемственность между поколениями (Peemot, 2024: 14–19).

Подход, рассматривающий человека и животное в терминах «родства» и совместной субъектности, является относительно новым для российской этнографии. Традиционно отечественная этнография носила антропоцентричный характер, строго различала собственно социальные (человеческие) отношения и символические проекции на животных. Подобное различие соответствовало методологическим основаниям марксистского учения, где животные рассматривались как часть производительных сил. Сегодня российские исследователи сталкиваются с необходимостью переосмысления устоявшихся категорий и методологических подходов. Как удачно подметил антрополог Г. Д. Винокуров, «структуралистско-семиотические рвы, за которыми продолжает существовать российская антропология / этнография, оказывается крайне трудно пересечь зверям и другим существам» (Форум: Люди ... , 2024: 41). Привычные теоретические барьеры мешают «впустить» животных в аналитическое поле на правах субъектов и преодоление этого барьера видится серьезной проблемой.

Здесь необходимо отметить, что в российской гуманитарной науке есть довольно обширный корпус исследований о символическом «родстве» и тесной связи человека и лошади в коневодческих культурах, но он оформлен скорее как изучение культа коня, образа «конь-человек», мифов о происхождении людей от лошади и «двуединства» всадника и коня, а не как биологического родства. Так, например, имеются работы в которых исследуются представления о лошади как о существе, «наиболее близком к человеку», вплоть до образа тандема «конь и человек» как равноправных партнеров в традиционной культуре (например, у хакасов) (Бурнаков, 2024), анализируются мифы, где человек прямо выводится от лошади или божественной лошади (у якутов есть сюжет о богатыре — «сыне лошади») (Филиппова, 2012), описываются представления о том, что конь и всадник имеют «одну судьбу, одну родину», как у якутов-кочевников, где человек и лошадь мыслятся почти как единое существо (Ушницкий, 2017). Соответственно, в контексте такого рода работ подход В. Пээмот выглядит необычным и оригинальным.

¹ Опарин Д. «Репрессированный конь»: тувинская исследовательница — о лошадях, границах и памяти о советском прошлом [Электронный ресурс] // Perito. 2024, 10 июня. URL: <https://perito.media/posts/repressirovanniy-kon-tuvinskaya-issledovatel'nitsa-o-loshadyakh-granitsakh-i-pamyati-o-sovetskom-proshlom> (дата обращения: 10.12.2025).

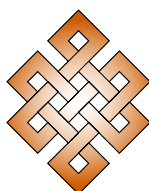
К тому же, применение мультивидового подхода требует определенных научно-исследовательских усилий. Если ранее этнограф опрашивал людей об их хозяйстве, обрядах, то теперь необходимо наблюдать и описывать взаимодействия людей и животных, учитывать «голос» последних. На практике это означает интенсификацию включенного наблюдения, увеличение продолжительности пребывания в сообществе (включая животных), привлечение методов этологии и (или) экологии для корректной интерпретации поведения животных. Полагаем, что для российских этнографов применение подобного мультивидового подхода может вызывать трудности. Также встает вопрос языка описания полученных данных. Устоявшийся в этнографических исследованиях научный стиль недостаточно точно может передавать особенности агентности животных. Именно этим можно объяснить тот факт, что в подобного рода исследованиях на Западе появляются элементы нарратива, сторителлинга, описания конкретных историй взаимодействия (как это мастерски делает В. Пээмот, рассказывая историю подаренного на свадьбе жеребца). Нахождение адекватной методологии и исследовательского языка позволят вписать животное в повествование без утраты научности.

Категория «чер төрел» и социальность ландшафта

Одним из наиболее значимых теоретических и эмпирических аспектов книги В. Пээмот является введение в широкий академический оборот тувинского понятия *чер төрел*, которое можно перевести как «земное родство» или «родственные узы с ландшафтом». Автор указывает, что «тувинская концепция *чер төрел* признает социальную одушевленность ландшафтов, рассматривая их, во-первых, как чувствующих существ, во-вторых, — как родню, и в-третьих — как связующее звено между человеком и нечеловеческими существами» (Peemot, 2024: 8). Далее исследовательница с теоретико-прикладных позиций подробно раскрывает эту категорию, убедительно показывая, что для тувинцев и их соседей по Алтаю и Саянам земля не является пассивным пространством или ресурсом, а напротив, выступает субъектом социальных и родственных отношений. В книге неоднократно подчеркивается, что тувинцы воспринимают горы, реки и пастбища одушевленными участниками жизни рода. Например, родовые предания часто связывают происхождение конкретных семей с определенной горой или рекой, а шаманские практики обращаются к духам местности как к предкам или защитникам. Таким образом, ландшафт становится не только местом проживания, но и «родственником», чья забота и гнев напрямую влияют на судьбу человека и общины.

Традиционно, в отечественной этнографии внимание к сакральным аспектам ландшафта было значительным. Так, «в культуре воды, гор и леса алтайско-саянских турок нашли отражение две последовательные стадии религиозного развития — аниматизм и анимизм: горы и реки рассматриваются как живые, волеспособные существа и наряду с этим духи гор и рек действуют и вступают в определенные взаимоотношения с людьми, не теряя своей связи с горой и рекой» (Дыренкова, 2012: 133). С. И. Вайнштейн в монографии «Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки» неоднократно указывал на сакральность гор. Так, охотник, обращаясь к духам «хозяевам места» с мольбой об удаче на промысле, произносил: Моя сторона, высокие горы! / Плохое отстраняйте, хорошее приближайте, помилуйте, / Подарите зверей, белок, мои владыки! (Вайнштейн, 1961: 173). Ярким репрезентантом поклонения ландшафту выступает важный летний праздник, связанный с культом священных гор *оваа дагыыр*. Это праздник не только освящения высоких гор, но и обновления растительной и животной природы. Праздник сопровождался также молением о благополучии стока. Возле священной горы разжигали костер, «угощая» духов, бросали в *оваа*, состоявшие из сложенных на горе каменных возвышений, новые камни, кусочки ткани, конские волосы. Люди обходили святилище по кругу, по движению солнца, произнося добрые пожелания, пели песни. Затем они расплескивали араку, бросали кусочки пищи, кланялись всем сторонам света, благословляя духов-покровителей (Тюркские народы ... , 2008: 124).

Тем не менее, отечественная наука чаще трактовала эти феномены через призму символической антропологии или религиоведения, понимая ландшафт как объект поклонения, как часть ритуальной системы. В. Пээмот демонстрирует принципиально иной взгляд на соответствующие взаимодействия человека и природы, настаивая на том, что ландшафт включен в систему социальных отношений наравне с людьми и животными, является реальной категорией родства. При этом исследовательница убедительно доказывает, что тувинский концепт *чер төрел* является локальной формой анимистической онтологии, где земля неразрывно связана с родом, тем самым расширяя предметное поле «мультивидовой антропологии».

В начале параграфа «Чер төрел: родство через общую родину» автор отмечает, что:

«несмотря на социалистическую политику, направленную на разрушение родовых связей, кочевые роды сохраняли чувство принадлежности к своим исконным землям. Некоторые из них подверглись переселению в связи с демаркацией границ между Тувой и Монголией в 1930-е гг. или из-за затопления земель в районе реки Улуг-Хем (Енисей) при строительстве Саяно-Шушенской ГЭС в 1980-х гг. Антрополог Каролин Хамфри, проводившая полевые исследования в Туве в конце советского периода, отмечала устойчивость родовых связей с землей и называла сельские сообщества Тувы «патрилинейными локализованными родами» (Ремот, 2024: 24).

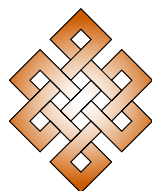
В этой связи хотелось бы отметить некоторую аналитическую диспропорцию. Автор успешно конституируя на страницах монографии концепцию *чер төрел* (Ремот, 2024: 8–11, 13, 19, 124) практически не обращается к рассмотрению явлений и процессов которые трансформировали и (или) нарушали устоявшиеся механизмы родства с землей. Речь идет о коллективизации, административном перераспределении территорий и политических репрессиях, которые упоминаются в книге лишь фрагментарно и не получают систематического анализа как факторы, трансформировавшие и (или) нарушавшие механизмы родства с землей. В результате указанная концепция предстает перед читателем преимущественно как длительно существующий и воспроизводимый феномен, тогда как его динамика под воздействием государственно-институциональных вмешательств остается в значительной степени нераскрытой. Это не умаляет значимости книги, но полагаем, что обращение к соответствующим историческим моментам позволило бы глубже раскрыть не только устойчивость, но и уязвимость форм родства с землей.

В данном тематическом контексте имеются значимые работы современного тувиноведения, в которых анализируется концепт *чер* 'земля' в тувинских пословицах и поговорках как древнейший элемент языковой картины мира, раскрывающий представления о земле как о матери, кормилице и источнике жизни, а также как о пространстве родства человека и природы (Сувандии, 2023), исследуются современные представления тувинцев о земле как о «своем» пространстве, связанном с жизненным циклом человека (место рождения, проживания и погребения) и сохраняющем статус священной родовой территории несмотря на социальные изменения (Майны, 2023). В других работах рассматривается отражение отношения к земле в художественной литературе XX–XXI вв., где выделяются мотивы сакральной связи человека с родиной, трагедии утраты родных земель и трансформации ценностей в условиях модернизации и миграции (Кужугет, 2023). Также анализируются образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев, где она предстает как одушевленный хранитель, кормилец и собеседник человека, а изменения образа отражают исторические эпохи от локальной родовой территории до советской «большой родины» и вновь к этнически осмысленной Туве в постсоветское время (Санчай, 2023).

В совокупности эти исследования показывают, что земля в тувинской культуре выступает ключевым интегральным концептом, объединяющим языковые, социальные, художественные и музыкальные формы выражения и осмысляемым как сакральная основа существования тувинского народа. Закономерным образом, все эти работы вошли в коллективную монографию «Тува: Родная земля» (Тува: Родная ... , 2023), развивающую тезаурусный подход к анализу тувинской этнической культуры, что свидетельствует о высоком уровне методологической рефлексии и междисциплинарности современных исследований. Более того, это показывает, что российская гуманитарная наука в целом и тувиноведение в частности не только активно воспринимают новейшие теоретические направления мировой этнографии и антропологии, но и адаптируют их к собственному эмпирическому материалу. Тем самым тувиноведение в очередной раз демонстрирует способность развиваться в русле актуальных научных подходов, не отставая от международной повестки и одновременно сохраняя методологическую автономию.

Концепция «ответственного гостевания» (аалдаар)

Одной из методологических новаций рецензируемой монографии является концепция «ответственного гостевания» (*аалдаар*), которая рассматривается как основа для проведения этнографического исследования. Автор утверждает, что исследователь, находящийся в поле, никогда не может быть «нейтральным наблюдателем», так как он всегда включен в сеть отношений, определяемых местными культурными нормами, этическими ожиданиями и категориями гостеприимства.

В тувинской культуре гостеприимство занимает центральное место. Прием гостя рассматривается не как частный акт, а как трансляция родовой и культурной идентичности. Гость, в свою очередь, обязан проявлять уважение к хозяевам, их земле, животным и духам. Указанную культурную логику В. Пээмот трансформирует в исследовательский принцип, фиксируя, что антрополог в поле прежде всего «гость» и его задача состоит не только в сборе данных, но и в поддержании гармонии отношений:

«Я развиваю понимание гостевания (*аалдаар*), — пишет автор, — и предлагаю рассматривать его как теоретическую концепцию, позволяющую анализировать нормативные регуляции отношений в основанных на земле системах родства между людьми и нечеловеческими сущностями (*чер төрөл*). Я предполагаю, что исследователь неизбежно участвует в этих отношениях *чер төрөл* и следует их правилам. В этом смысле *аалдаар* — это ответственный обмен знаниями между гостем/исследователем и хозяевами — человеческими и нечеловеческими сообществами Саян и Алтая» (Peemot, 2024: 14; курсивы источника. — Авт.).

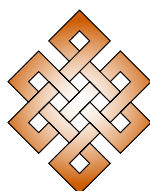
В отечественной этнографии включенное наблюдение традиционно рассматривалось как один из ключевых полевых методов, направленных на достижение объективности исследования путем непосредственного и длительного погружения исследователя в изучаемое сообщество. Целью было получение эмпирических данных «изнутри», что считалось гарантией полноты и достоверности сведений о быте и культуре народа (Уварова, 2020: 162). Этнографы вели полевые дневники, подробно фиксируя ритуалы, хозяйственные практики, устные рассказы, но при этом стремились минимизировать собственное влияние на соответствующий исследовательский участок (Громов, 1966; Жданко, Крупянская, Терентьева, 1956; Иохельсон, 2023). Даже в постсоветский период, когда стали активно использоваться методы биографических интервью и «этнографического участия», сохранялась установка на документальность в целях сохранения аутентичности информации, полученной от информанта, и предоставления возможности другим исследователям верифицировать данные или использовать их в своих целях.

В. Пээмот, напротив, исходит из того, что исследователь всегда присутствует в поле и не должен оставаться «невидимым». Именно в связи с включенностью во взаимоотношения ученому следует сознательно выстраивать свое поведение как гостю, т. е. быть благодарным, ответственным, признающим субъектность не только людей, но и животных, духов, ландшафта. Автор рецензируемой монографии так описывает свое прибытие в Туву с позиций «ответственного гостевания»:

«Перед полевой работой я подготовила и приобрела обязательные гостевые дары. Когда мы с моими спутниками прибыли в сезонный стан семьи кочевников, мы припарковали нашу машину на некотором удалении от юрты, в пределах территории, границы которой не были обозначены. Мы ожидали возле машины, пока хозяева выйдут, успокоят собак и пригласят нас в свою юрту. Оказавшись внутри, мы переместились в западную часть жилища, которая традиционно считается доменом хозяина-мужчины. Эта зона также отводится для приема гостей. Особое приглашение хозяев позволило нам пройти дальше, в северную часть (*дөр*), куда допускаются наиболее уважаемые гости. За чаем с угощениями мы вели непринужденную беседу. После этого мы озвучили цель нашего визита и получили согласие хозяев помочь нам. В этот момент мы вручили хозяевам наши гостевые дары» (Peemot, 2024: 13).

Здесь стоит отметить, что такой подход тесно связан с автоэтнографической позицией самой исследовательницы, поскольку, как мы отмечали выше, она сама является частью тувинского сообщества, родословные связи определяют ее статус и возможности доступа к полю. В книге она неоднократно рассказывает о собственном опыте участия в обрядах, о том, как ее воспринимают родственники и соседи, и как это влияет на исследовательскую работу.

Очевидно, что подход, предложенный В. Пээмот, открывает новые методологические горизонты для этнографических исследований, предлагая альтернативу классической модели включенного наблюдения, которая традиционно ориентирована на документальность и принципиальную отделенность исследователя от изучаемой среды. Центральное место в этом подходе занимает концепция *аалдаар*, разработанная автором на основе тувинских представлений о бытийной регуляции отношений между людьми, животными и ландшафтами. Данная концепция позволяет увидеть внутреннюю этическую логику включенности, в рамках которой оказывается любой исследователь, вступающий в контакты с полевым сообществом. Прежде всего, подход Пээмот базируется на ее позиции как «внутреннего» исследователя, находящегося в системе родства и признанного участника

локальных отношений. Именно эта позиция обеспечивает доступ к «закрытым» практикам и возможность интерпретировать события «изнутри». В то время как исследовательские ориентиры отечественной этнографии на протяжении десятилетий были направлены на выстраивание дистанции между исследователем и полевой реальностью, полагая ее условием научной объективности и воспроизводимости данных, для В. Пээмот включенность является не только отправной точкой исследования, но и этическим обязательством. Это обязательство требует от ученого разделять ответственность перед человеческими и нечеловеческими участниками отношений, уважать правила гостевания, признавать субъектность лошадей, духов-хозяев и самой земли. Такая система координат позволяет зафиксировать аспекты, которые неизбежно могут ускользнуть от «внешнего» наблюдателя (например, «тонкие» аспекты повседневности, формы невербализованного знания, внутренние регулятивы поведения и динамика взаимоотношений внутри многовидовой общности).

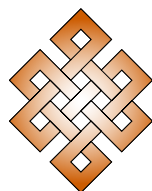
Важно подчеркнуть, что предложенная В. Пээмот концепция «ответственного гостевания» (*aal-daap*), несмотря на свою теоретическую новизну в западной антропологической традиции, в контексте современного российского тувиноведения не выглядит принципиально уникальной, поскольку сходные методологические установки уже были артикулированы в работах исследователей-инсайдеров, анализирующих культуру «изнутри».

Так, в монографии уже упомянутого выше коллектива авторов «Тувинцы: Родные люди» (Тувинцы: Родные ... , 2022) прямо заявлена субъектная позиция авторов, изучающих собственную культуру как «свою», родственную и жизненно переживаемую реальность, а не внешний объект наблюдения. При этом источниками знания выступают не только классические полевые материалы, но и личный опыт, рефлексия, беседы с родственниками и участие в повседневных практиках, что принципиально сближает данный подход с автоэтнографией и этикой включенности. Авторы подчеркивают, что исследователь, принадлежащий культуре, осознаёт себя частью изучаемых отношений и несет ответственность перед своей общиной, поскольку исследование важно не только для науки, но и «для него самого и для его земляков, соплеменников, людей его культуры» (там же: 5). Аналогичные идеи развиваются и в вышеупомянутой работе «Тува: Родная земля» (Тува: Родная ... , 2023), где отдельный параграф посвящен феномену «ученых-инсайдеров» и культурной рефлексии как особой формы научного знания, основанного на принадлежности к исследуемому миру. Также в указанных монографиях поднимаются вопросы этики, идентичности, ответственности и невозможности полной дистанции между исследователем и полем, поскольку сама позиция «своего» предполагает участие в системе родственных, территориальных и духовных связей. Таким образом, подход В. Пээмот оказывается созвучным существующей традиции отечественного тувиноведения, ориентированной на изучение культуры через категории родства, дома, земли и коллективной памяти.

Тем не менее, нельзя не отдать должного исследователю в том, что она приходит к сходным выводам о неизбежной включенности и ответственности ученого, необходимости этического поведения в поле и признании субъектности человеческих и нечеловеческих участников культурного мира. Это свидетельствует о конвергенции современных западных и российских антропологических подходов вокруг идеи ответственной, рефлексивной науки, в которой исследователь выступает участником сложной сети отношений.

При этом, нельзя забывать и о возможных гносеологических рисках. В частности, речь идет об опасности чрезмерной субъективизации материала. Личный опыт, включенность в родственные структуры и эмоциональная сопричастность могут приводить к некоторым деформациям объективности исследования. В монографии, например, сравнительно мало внимания уделено таким конфликтным сюжетам как напряжение вокруг пастбищных ресурсов, конкуренция линий родства, локальные экологические кризисы. Можно предположить, что установка на поддержание гармонии и соблюдение «кодекса» гостевания ограничивает исследовательницу в возможности раскрыть конфликтные зоны, поскольку их артикуляция может нарушить баланс отношений с сообществом.

Одновременно остается открытым вопрос о границах применимости концепции «ответственного гостевания». Может ли исследователь, являющийся частью изучаемого сообщества, осуществлять критический анализ ее практик? Как избежать романтизации традиции и умолчания о ее противоречиях? Как совместить требования академической объективности с этикой «ответственного гостя»? Эти вопросы носят дискуссионный характер и не снижают ценности подхода Пээмот, но указывают на необходимость его дальнейшего обсуждения и соответствующей адаптации.

Заклучение

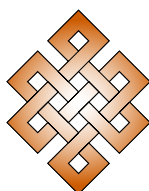
Прочтение монографии убедительно демонстрирует продуктивность мультивидового поворота, ориентированного на глубинный анализ устойчивого родственного взаимодействия между человеком и животным, основанного на совместной субъектности. Ключевые подходы, рассмотренные нами в настоящей рецензии, выступают как модель включенности нечеловеческих субъектов в систему социального и родственного бытия кочевых народов, а также демонстрируют включенность самого исследователя в эту локальную этическую систему через принцип «ответственного гостевания». Указанная модель позволяет выйти за рамки традиционного антропоцентризма, характерного для советской и постсоветской этнографии, который строго разграничивал человеческие отношения и символические проекции на нечеловеческие сущности.

Через концепт *чер төрөл* в качестве реальной категории родства, связывающей человека и ландшафт, тувинская культура раскрывается как локальная форма анимистической онтологии, расширяя тем самым предметное поле «антропологии больше-чем-человеческого». Методологическое осмысление *аалдаар* как этического принципа полевой работы требует от исследователя сознательной ответственности перед всем многовидовым сообществом и ведет к переосмыслению традиционных исследовательских установок.

Полагаем, что монография В. Пээмот задает высокий стандарт интерпретации многовидовой социально-культурной реальности тувинского сообщества и актуализирует необходимость разработки адекватного исследовательского языка и методологии для отечественных этнографов, содействуя системному преодолению устаревших подходов, мешающих признанию агентности нечеловеческих субъектов. Рассмотренное исследование является значимой работой для дальнейшей дискуссии в российской антропологии о нечеловеческой субъектности и этике полевой работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтай. Жемчужина и сердце Евразии (2010) / сост. С. М. Бурьгин. М. : Вече. 288 с.
- Бурнаков, В. А. (2024) Образ «конь — человек» в традиционном мировоззрении хакасов (конец XIX–XX век) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2 (44). С. 84–93.
- Вайнштейн, С. И. (1961) Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М. : Издательство восточной литературы. 218 с.
- Вайнштейн, С. И. (1972) Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства. М. : Наука. 314 с.
- Громов, Г. Г. (1966) Методика этнографических экспедиций. М. : МГУ. 107 с.
- Даржа, В. К. (2014) Лошадь в традиционной практике тувинцев-кочевников. Кызыл : Тувинское книжное изд-во. 154 с.
- Дыренкова, Н. П. (2012) Тюрки Саяно-Алтая. Статьи и этнографические материалы. СПб. : МАЭ РАН. 408 с.
- Жданко, Т. А., Крупянская, Б. Ю., Терентьева, Л. Н. (1956) Об организации и методике полевых этнографических исследований // Советская этнография. № 3. С. 25–34.
- Иохельсон, В. И. (2023) Полевые дневники из Сибиряковской (Якутской) экспедиции. М. : Наука — Восточная литература. 214 с.
- Кужугет Ш. Ю. (2023) Отношение тувинцев к земле в тувинской литературе XX–XXI вв. // Новые исследования Тувы. № 1. С. 64–79. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>
- Ламажаа, Ч. К. (2011) Тува между прошлым и будущим. СПб. : Алетейя. 368 с.
- Ламажаа, Ч. К., Сувандии, Н. Д., Монгуш, А. В. (2023) Святое в тувинской культуре: прошлое и современность // Новые исследования Тувы. № 3. С. 220–241. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Майны Ш. Б. (2023) Представления о *чер* 'земле' современных тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 38–63. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>
- Потапов, Л. П. (1953) Очерки по истории алтайцев. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР. 444 с.
- Потапов, Л. П. (1969) Очерки народного быта тувинцев. М. : Наука. 402 с.
- Санчай, Ч. Х. (2023) Образы родной земли в музыкально-песенной культуре тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 80–109. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Сувандии Н. Д. (2023) Чер 'земля' в паремиях тувинцев // Новые исследования Тувы. № 1. С. 26–37. DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Тува: Родная земля (2023) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. Санкт-Петербург : Нестор-История. 340 с.

Тувинцы: Родные люди (2022) / под ред. Ч. К. Ламажаа, Н. Д. Сувандии. СПб. : Нестор-История. 344 с.

Тюркские народы Восточной Сибири (2008) / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Алексеев. М. : Наука. 422 с.

Уварова, Т. Б. (2020) Из истории российской этнологии: исследователи, проекты, методы // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. № 3. С. 160–173.

Ушницкий, В. В. (2017) Северные номады: взаимодействие человека и лошади в якутской культуре // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. Т. 19. С. 172–183.

Филиппова, В. В. (2012) Образ коня в фольклоре и традиционной культуре якутов // Дискуссия. № 2. С. 33–35.

Форум: Люди и другие живые существа (2024) // Антропологический форум. № 62. С. 11–224. DOI: <https://doi.org/10.31250/181588702024206211224>

Этнография народов Алтая и Западной Сибири (1978) : сборник статей / отв. ред. А. П. Окладников. Новосибирск : Наука, Сиб. отд-ние. 222 с.

Haraway, D. J. (2008) When species meet. Minneapolis, MN. : University of Minnesota Press. 423 p.

Ingold, T. (2000) The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill. London ; New York : Routledge. 485 p.

Peemot, V. S. (2024) The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains. New York & Oxford : Berghahn Books. 210 p. DOI: <https://doi.org/10.3167/9781805392958>

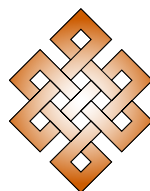
Rasiulis, N. (2025) Review of The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Sayan Mountains by V. Soyam Peemot // Sibirica. Vol. 24(2). P. 100–101.

Дата поступления: 17.12.2025 г.

Дата принятия: 13.03.2026 г.

REFERENCES

- Altai. The Pearl and Heart of Eurasia* (2010) / comp. S. M. Burygin. Moscow, Veche. 288 p. (In Russ.)
- Burnakov, V. A. (2024) The image of the "horse-human" in the traditional worldview of the Khakas people (late 19th-20th century), *Tomsk Journal of Linguistic and Anthropological Studies*, no. 2 (44), pp. 84–93. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1961) *Tuvans-Todzhans: Historical and ethnographic essays*. Moscow, Publishing House of Oriental Literature. 218 p. (In Russ.)
- Vainshtein, S. I. (1972) *Historical ethnography of the Tuvans: Problems of nomadic economy*. Moscow, Nauka, 314 p. (In Russ.)
- Gromov, G. G. (1966) *Methods of ethnographic expeditions*. Moscow, Moscow State University. 107 p. (In Russ.)
- Darzhba, V. K. (2014) *The horse in the traditional practice of Tuvan nomads*. Kyzyl, Tuvan Book Publishing House. 154 p. (In Russ.)
- Dyrenkova, N. P. (2012) *The Turks of the Sayan-Altai. Articles and ethnographic materials*. Saint Petersburg, Museum of Anthropology and Ethnography RAS. 408 p. (In Russ.)
- Zhdanko, T. A., Krupyanskaya, B. Yu. and Terentyeva, L. N. (1956) On the organization and methods of field ethnographic research. *Sovetskaya etnografiya*, no. 3, pp. 25–34. (In Russ.)
- Iokhelson, V. I. (2023) *Field diaries from the Sibiryakov (Yakut) expedition*. Moscow, Nauka – Vostochnaia literature. 214 p. (In Russ.)
- Kuzhuget, Sh. Yu. (2023) The Tuvans' attitude to land in Tuvan literature of the 20th–21st centuries. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 64–79. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.4>
- Lamazhaa, Ch. K. (2011) *Tuva between the past and the future*. Saint Petersburg, Aleteiia. 368 p. (In Russ.)
- Lamazhaa, Ch. K., Suvandii, N. D. and Mongush, A. V. (2023) The sacred in Tuvan culture: past and present. *New Research of Tuva*, no. 3, pp. 220–241. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.3.14>
- Mainy, Sh. B. (2023) Conceptions of cher 'land' among contemporary Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 38–63. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.3>

Potapov, L. P. (1953) *Essays on the history of the Altai people*. Moscow, Leningrad, Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. 444 p. (In Russ.)

Potapov, L. P. (1969) *Essays on the traditional life of the Tuvans*. Moscow, Nauka. 402 p. (In Russ.)

Sanchai, Ch. Kh. (2023) Images of native land in the musical and song culture of the Tuvans. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 80–109. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.5>

Suvandii, N. D. (2023) *Cher 'land' in Tuvan paremias*. *New Research of Tuva*, no. 1, pp. 26–37. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.25178/nit.2023.1.2>

Tuva: Native land (2023) / eds by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia, 340 p. (In Russ.)

Tuvans: Native people (2022) / eds by Ch. K. Lamazhaa and N. D. Suvandii. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia, 344 p. (In Russ.)

Turkic peoples of Eastern Siberia (2008) / eds by D. A. Funk and N. A. Alekseev. Moscow, Nauka. 422 p. (In Russ.)

Uvarova, T. B. (2020) From the history of Russian ethnology: researchers, projects, methods. *Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 5: Istorija*, no. 3, pp. 160–173. (In Russ.)

Ushnitskii, V. V. (2017) Northern nomads: interaction between humans and horses in Yakut culture. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, vol. 19, pp. 172–183. (In Russ.)

Filippova, V. V. (2012) The image of the horse in the folklore and traditional culture of the Yakuts. *Diskussii*, no. 2, pp. 33–35. (In Russ.)

Forum: Humans and other living beings (2024). *Antropologicheskii forum*, no. 62, pp. 11–224. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31250/181588702024206211224>

Ethnography of the peoples of Altai and Western Siberia (1978): collection of articles / ed. by A. P. Okladnikov. Novosibirsk, Nauka, Siberian Branch. 222 p. (In Russ.)

Haraway, D. J. (2008) *When species meet*. Minneapolis, MN., University of Minnesota Press. 423 p.

Ingold, T. (2000) *The Perception of the Environment: Essays on Livelihood, Dwelling and Skill*. London; New York, Routledge. 485 p.

Peemot, V. S. (2024) *The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Saian Mountains*. New York & Oxford, Berghahn Books. 210 p. DOI: <https://doi.org/10.3167/9781805392958>

Rasiulis, N. (2025) Review of *The Horse in My Blood: Multispecies Kinship in the Altai and Sayan Mountains* by V. Soyan Peemot. *Sibirica*, vol. 24(2), pp. 100–101.

Submission date: 17.12.2025.

Acceptance date: 13.03.2026.